Н. П. ЛОБАЧЕВА

К ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО КОСТЮМА

(женские головные накидки-халаты)

Халатообразная накидка, входящая в состав головного убора женщин различных народов Средней Азии, имеет длительную и сложную-историю. В течение всего периода своего существования она была одеждой .ритуальной. Это значение накидок в известной степени не изжито по сей день. Кроме того, ношение накидок, закрывающих фигуру женщины, связано с. предписанием Корана.

Во многих обрядах, в частности в традиционных свадебных, накидки используются и сейчас.

История женских накидок (назовем их условно головной одеждой) представляет известный интерес для изучения не только религиозных верований, но и этнической и культурной истории тех областей Средней Азии, в которых они встречаются. Вопрос об их происхождении до последнего времени оставался открытым. Описание отдельных видов среднеазиатских головных халатов-накидок встречается как в дореволюционной этнографической литературе[1], так и в работах советских этнографов[2]. Многое о накидках содержится в неопубликованных еше материалах[3].

Из специальных трудов, в которых затрагиваются вопросы происхождения и истории некоторых видов накидок-халатов, назовем работы О. А. Сухаревой «К истории костюма населения Самарканда»[4],

---

[1] См.: В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886. стр. 96 ел.; П. Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1896, стр. **113 и** др.

[2] См.• Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской экспедиции» (далее ТХЭ), т. I, М., 1952, стр. 556; Г. П. Васильева, Туркмены-ноxурли «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 161—165 и др.; Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954, стр. 146, и др.: С. П. **Русяйки**на, Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLVII, М., 1959, стр. 192—194; «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXIV, М.— Л., 1954, стр. 142—144 (глава «Домашняя и семейная жизнь», автор Е. М. Пещерева); М. А. Бикжанова, **Мурсак — старинная** верхняя одежда узбечек г. Ташкента, «Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов. Средней Азии», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР» (далее: «Сб памяти М. С. Андреева»), т. СХХ, Сталинабад, 1960, стр. 50 ел.; «Народы Средней Азии и Казахстана»,- серия «Народы мира. Этнографические очерки», I—М., 1962, II—М., 1963, разделы «Одежка» и др.

[3] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность сотрудникам Ин-та этнографии АН СССР Б Х Кармышевой, Г. П. Васильевой, Е. И. Маховой, Н. Г. Борозне и А Н Жилиной, любезно познакомивших меня со своими полевыми материалами.

[4] 6 А Сухарева, К истории костюма населения Самарканда, «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 11—12, стр. 38—40.

Г. А. Пугаченковой «К истории „паранджи"»[5] и А. С. Морозовой «Головные уборы туркмен»[6].

Современные этнографические материалы и литературные данные свидетельствуют о том, что в XIX в. накидки-халаты, не утрачивая связи с ритуалом, служили повседневной уличной женской одеждой и были распространены у узбечек, каракалпачек, туркменок и таджичек.

Особенность, позволяющая выделить накидки-халаты в особый вид женской одежды, заключается в том, что имевшиеся у них ранее, как у любого халата, рукава, как правило, потеряли утилитарное значение.

Накидке отводилось особое место в брачных и последующих за свадьбой церемониях (например, в период «избегания» молодой родственников мужа). Со дня свадьбы в течение всей своей жизни женщина не могла появиться вне дома, не накинув ее поверх головного убора. Накидки имели возрастные отличия (по цвету и рисунку ткани, вышивке, украшениям). Они относились к комплексу одежды замужней женщины, однако еще в XIX в. у некоторых народов их носили и девушки.

Процесс постепенного исчезновения накидок из современного костюма среднеазиатской женщины шел по линии превращения их из одежды повседневной в одежду сначала праздничную, затем исключительно ритуальную, нашедшую употребление в свадебном (покрывают голову невесты; приглашенные надевают, идя на свадьбу) и похоронном обрядах (иногда покрывают тело умершей; надевают, идя на поминки, носят во время траура)[7]. В некоторых местностях накидки совершенно вышли из употребления, в других — стали принадлежностью семейной обрядности. Использование накидок как повседневной уличной одежды теперь почти не наблюдается.

Этнографами отмечен ряд разновидностей накидок-халатов. Их можно классифицировать следующим образом:

1. Накидки-халаты (в большинстве своем очень длинные, украшенные вышивкой, серебряными бляшками), рукава которых совершенно потеряли свой первоначальный вид и назначение, превратившись в декоративную деталь. Используются они исключительно как головная одежда[8]. Эти накидки, имеющие наиболее законченные формы, являются ранними по происхождению и в своем развитии прошли, видимо, и те этапы, которые отмечены в следующих пунктах нашей классификации. К накидкам этого типа относится получившая широкую известность паранджа[9] среднеазиатских женщин, отличающаяся от прочих накидок тем, что надевалась с черной волосяной сеткой, скрывающей лицо женщины от посторонних взоров. В эту же группу входят чырпы туркмен-те-

---

[5] Г. А. Пугаченкова, К истории «паранджи», «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 191—195.

[6] А. С. Морозова, Головные уборы туркмен, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963, стр. 98—113.

[7] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой об узбеках Кашка-Дарьи, 1950—1956,, Архив Ин-та истории АН ТаджССР; Полевые материалы Б. Х. Кармышевой 1957—1958 гг., Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее АИЭ), ф. Среднеазиатской этнографической экспедиции; Полевые материалы А. Н. Жилиной о ташкентских узбеках, Архив Ин-та истории АН УзССР; Полевые материалы автора о туркменах-атинцах, АИЭ, ф. Хорезмской экспедиции; см. также материалы, указанные в прим. 2.

[8] Дальнейшее развитие таких накидок привело бы, очевидно, к исчезновению рукавов, как потерявшей смысл детали одежды. Появившиеся около 20 лет назад у женщин .некоторых городов Узбекистана (Шахрисябз, Самарканд) безрукавые нз-кидки («парда») взамен паранджи подтверждают это предположение.

[9] Описание паранджи см.: П. Хорошхин, Указ. раб., стр. 113; В. Наливкин и М. Наливкина, Указ. раб., стр. 96; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 297 и др.

кинцев к» пюренджек, зафиксированный в комплексе женской одежды иомутов", атинцев'*, мурчалинцев", сарыков" и некоторых других в ! 1 ту f? елек-туркмен-нохурцев'5; имеющее резко отличные возрастные разновидности жегде каракалпаков " и жегде узбеков низовьев Аму-Дарьи[17] и т. д. (рис. 1, 2). дисков ни

Рис. 1. Женщина в парандже (вид спереди). Таджикистан

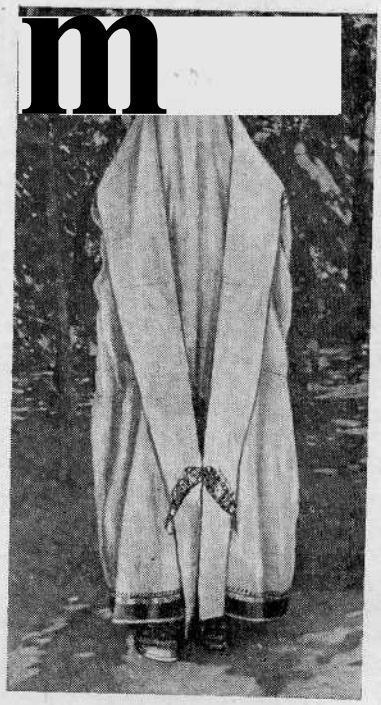

Рис. 2. Женщина в парандже (вид сзади). Таджикистан

2. Накидки-халаты, которые, выполняя функции головной одежды, сохранили форму обычного халата. Например, ягтак узбечек-карлучек западных районов Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР и Южного Таджикистана (карлуки тохчионские, варзобские, регарские, кассанские)[18]. Такие же накидки распространены у женщин групп барлас, тюрк, чагатай, таджиков, арабов, живущих на Кашка-Дарье. К этому же типу

---

[10] Описание см.: Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 163; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 93 и др.

[11] Там же.

[12] Полевые материалы автора, 1960 г.

[13] Д. М. Овезов, Туркмены-мурчали, «Труды ЮТАКЭ», т. IX, Ашхабад, 1959, Стр. 232.

W К- Овезбердыев, Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», серия этнографическая, т. VI, Ашхабад, 1962, стр. 136—138.

[15] Описание см.: Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 163—164.

[16] Описание см.: Т. А. ЖДанко, Указ. раб., стр. 556; Полевые материалы автора, 1960 г.

[17] Описание см.; К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 378.

[18] Это однослойный халат из алачи в узкую полоску, рукава которого скреплены на £пине узенькой планкой, см.: Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1954 г.

относится накидка саргирак у женщин некоторых групп таджиков Кашка-Дарьинской области и накидка пешз'онча, пешвонт в той же области (так называют и большие платки-покрывала, выполняющие роль накидок), которую шьют не только из излюбленной для накидок материи в полоску, но и из цветного ситца[19].

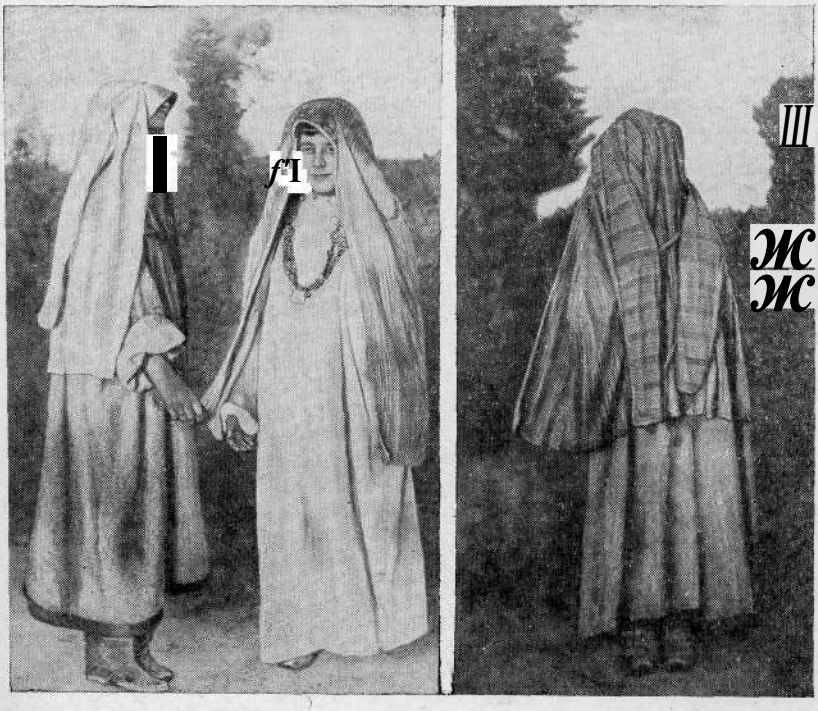

Рис. 3. Узбечки баташ в накидках джеляк (вид спереди, сбоку и сзади)

3. Накидки, совмещающие функции плечевой и головной одежды, Эта группа интересна тем, что особенно наглядно свидетельствует о происхождении головных халатообразных накидок от распашной плечевой одежды и показывает этот процесс на современном этнографическом материале. До сих пор встречаются халаты, которые у одних этно^ графических групп используются только как головная одежда, у других — и как головная и как плечевая. Так, у узбеков-кунгратов, узбеков-баташей, некоторых групп барласов Кашка-Дарьинской области женский джеляк стал головной накидкой[20] (рис. 3). Накидка елек есть у узбечек Наманганской области[21]. А у узбеков-локайцев Кулябской области женский джеляк служит и головной накидкой, и плечевой одеждой[22]. Аналогичный пример можно привести с одеждой под названием курте. В ряде местностей на Кашка-Дарье ее накидывали на голову при выходе из дома — например, карлуки-ипак, чагатаи Кчи Вахшивора[23]. У узбеков-дурменов Узбекистана и Таджикистана, в

[19] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1954 г.
[20] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1958 г.
[21] См. М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959, стр. 30.
[22] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1958 г.
[23] Там же.

противоположность праздничному мунисаку, курте была повседневной накидкой[24]. У туркмен-нохурцев курте совмещало функции головной и плечевой одежды[25]. В последние 20—25 лет в центральных районах Туркменистана наблюдался процесс превращения курте из плечевой одежды в головную. Так появилась здесь накидка под названием курте[26], покрываемая, подобно чырпы и пюренджеку, вышивкой, в которой преобладает растительный орнамент.

Особый интерес с точки зрения происхождения и истории накидок представляет узбекский мурсак. Под названием мурсак, мунисак, мисак, кальтача в Узбекистане известна очень старинная женская верхняя плечевая одежда, сейчас совершенно вышедшая из обихода и лишь иногда употребляемая при погребальном обряде. На примере мурсака ташкентских узбечек прослеживаются основные этапы ее истории. Первоначально мурсак—обязательная принадлежность костюма невесты. Впервые его надевали в день свадьбы, накидывая на голову при переезде в дом мужа. В качестве накидки мурсак носили молодухи в период избегания. В первой половине XIX в. в Ташкенте мурсак служил выходной уличной верхней одеждой замужних женщин, причем «осили его, набрасывая на голову. Позже, как часть головного убора, он был вытеснен паранджой, продолжая служить плечевой верхней одеждой и сохраняя ритуальное значение в свадебной обрядности. К концу XIX в. мурсак стал принадлежностью лишь похоронного обряда, а к 1920-м годам потерял и эту функцию[27]. Мунисак самаркандских узбечек, по всей вероятности, прошел такой же путь развития[28]. В настоящее время накидка под названием мунисак (минсак) есть у узбечек-дурменок, живущих в южных районах Узбекистана и Таджикистана и в Хорезмском оазисе (входит в комплекс праздничной одежды)[29], у группы туркмен-джуз, тюрок-барласов, карлуков-ипак[30] Кашка-Дарьииской области. А у узбеков-уйшунов Хорезмского оазиса накидка мисак используется и как верхняя плечевая одежда[31].

Приведенный материал убедительно, на наш взгляд, показывает происхождение головных халатообразных накидок от распашной плечевой одежды. Об этом свидетельствует распространенный у узбеков, туркменов и таджиков обычай накидывать на голову при выходе из дома любой халат, часто детский. Об этом же свидетельствует и термикология: все известные нам наименования накидок[32] повторяют названия плечевой одежды.

Большинство терминов, под которыми известны накидки, связывается с наиболее старинными видами одежды народов Средней Азии, например, ягтак, распространенный преимущественно в Фергане, хотя встречается и в других местностях. В основе этого термина лежит таджикское слово як — один[33]. Согласно этнографическим данным, кроме накидок под названием ягтак-актаи широко известна мужская и дет-

---

[24] Полевые материалы Н. Г. Борозны, 1961—1962 гг.

[25] Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 163; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, сто. 93.

[26] Ш. Аннаклычев, Социалистический быт и культура рабочих-туркмен Советского Туркменистана (историко-этнографическое исследование), рукопись докторской диссертации.

[27] М. А. Бикжанова, Мурсак — старинная верхняя одежда узбечек г. Ташкента, стр. 50—53.

[28] См. О. А. Сухарева, Указ. раб., стр. 39.

[29] Полевые материалы Н. Г. Борозны, 1961—1962 гг.

[30] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1954—1956 гг.

[31] Полевые материалы И. Г. Борозны, 1961—1962 гг.

[32] За исключением термина чырпы, этимология которого не ясна.

[31] «Культупа и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 135.

екая одежда — нательные халаты, которые шили без подкладки из бумажного белого полотна. Такой халат предшествовал появлению рубахи современной формы — куртаи-ягтаги.

Термин жегде также связывается со старинной мужской распашной одеждой. Название головной накидки — жегде, распространенное у каракалпаков и узбеков Хорезмского оазиса, в настоящее время не встречает там аналогий в названиях других видов одежды. Но он есть у южной группы киргизов в комплексе мужской одежды. Это распашная рубаха, носимая сейчас лишь стариками, традиционность которой подтверждается и тем, что термином жегде называется одна из частей мужского савана в современном комплексе обрядовой погребальной одежды[34]. У северной группы киргизов распашная мужская рубаха называется ачык койнэк. Это наименование основное, а жегде — лишь сопутствующее[36]. Термин жегде в форме жейде, жегде (западные районы Казахстана), желде-желден хорошо известен казахам опять-таки в .применении к мужской распашной нательной одежде, шившейся из ткани предпочтительно белого цвета -и имевшей у них широкое распространение в XVIII — начале XIX в.; к XX в. она сохранилась только в некоторых местностях и лишь у стариков[36]. У казахов этот вид одежды с середины XIX в. стал вытесняться рубахой — койлек. Погребальное платье казахов, как и киргизов, включало жейде[37]. Термин жегде в форме «чегде», «четда» встречается у некоторых групп узбеков дештикипчакского происхождения, живущих в настоящее время в южных районах Таджикистана. Так, у дурменов кишлака Тары-Каш Эсанбайского сельсовета рубахе куйлак предшествовал распашной халат чегда, к вороту которого пришивали своего рода манишку[38]. Легкий летний халат чегде, обшитый цветным кантом и тесьмой из домотканного ил" фабричного материала синего, черного или коричневого цвета, зафиксирован также у локайцев Южного Таджикистана. До появления рубахи здесь носили только чегде. Позже, в тех случаях, когда под чегде не поддевали рубаху, на груди делали вставку. Термин чегде у локайцев известен и в применении к детскому халатику[39]. В других местностях термин жегде не зафиксирован. Происхождение его, очевидно, надо связывать со словом ягтак-егда — егде-жегде, т. е. термин жегде можно воспринимать как тюркизированную форму от слова ягтак. Наличие его у каракалпаков, современных узбеков нижнего течения Аму-Дарьи, у казахов и южной группы киргизов, а также у отдельных групп узбеков дештикипчакского происхождения, живущих сейчас в Южном Таджикистане, объясняется, вероятно, не только культурным взаимовлиянием, а и языковой общностью этих народов. 'Со старинной, очевидно нательной мужской распашной одеждой[40] связывается и название головной накидки «джеляк», распространенной на территории Кашка-Дарьинской обл'асти.

Из приведенных примеров может сложиться впечатление, что женская головная халатообразная накидка развилась непосредственно из старинных форм мужской распашной одежды. Однако, по нашему мне-

---

[34] См.: К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 219 ел.

[35] Устное сообщение Е. И. Маховой.

[36] И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда, Алма-Ата, 1964, стр. 35.

[37] Там же.

[38] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1953—1954 гг.

[39] Там; же.

[10] Там же.

нию, это не так. Она образовалась, видимо, из женской плечевой одежды, имевшей одно название с мужской. Такая идентичность в названиях и даже покрое мужской и женской одежды характерна для наиболее старых форм костюма[41]. Примеры с территории бассейна Кашка-Дарьи, где известны и мужской, и женский, и детский халаты под одним названием джеляк, подтверждают это предположение. Примечательно, что для этих районов известен локайский женский джеляк, совмещающий функции плечевой и головной одежды.

В .пользу нашего предположения говорит еще одно наблюдение. В тех случаях, когда женская головная накидка, название которой совпадает с .названием мужской распашной одежды, не употребляется как плечевая одежда, женский халат под этим же названием в комплексе костюма данного народа не встречается. Например, женского халата под названием жегде ни у каракалпаков, ни у узбеков нет. Иная картина с джеляком. Накидка джеляк, зафиксированная у ряда этнографических групп Кашка-Дарьинской области, исключая узбеков группы сарай, не .получила дальнейшего развития, а местами служит одновременно и плечевой одеждой. В этих районах женский халат джеляк очень распространен.

В связи с этим нам кажется возможным подвергнуть сомнению выводы О. А. Сухаревой о происхождении паранджи от мужского парадного халата (арабское фараджийя), выделившейся в специфическую форму выходной уличной женской одежды не ранее XVI в.[42]. То, что паранджа в современной ее форме — явление позднее, не вызывает •сомнений. Но положение о том, что она развилась из мужского парадного халата, в свете сказанного выше, весьма спорно. Тем более, что письменные источники дают основания говорить о существовании женской плечевой одежды под названием фараджийя. Так, к периоду позднего средневековья (XVI—XVII вв.) относится сообщение, что в Константинополе у тюрков-османов фараджи носили и женщины[43]. В мемуарах Восыфи (среднеазиатского автора XV — начала XVI в.) термин фараджи употребляется как название и мужской, и женской одежды[44]. В настоящее время известна мужская и женская плечевая одежда, наименование которой созвучно слову фараджи. Это женский и мужской пэрэдже у семиреченских уйгуров[45] — просторный халат с длинными рукавами; в мужском комплексе — парадная верхняя одежда. Термину фараджи созвучно и туркменское пюренджек. Несмотря на то, что слово пюренджек легко объяснимо от глагола буринмек — покрыться (по Будагову)[46], на наш взгляд, не лишено оснований предположение Г. П. Васильевой о том, что термины «пуренджек» и «паранджа» имеют общее происхождение[47] и таким образом название пюренджек в приложении к халатообразным накидкам у туркмен появилось под влиянием названия одежды фараджийя. Дело в том, что

---

[41] Одинаковые названия для мужской и женской одежды встречаются и в настоящее время; например, термин койлек означает и мужскую рубаху, и женское платье.

[42] О. А. Сухарева, Указ. раб., стр. 40.

[43] R. P. Dozy, Dictonnaire detaille des noms des vêtements chez les Arabes, Amsterdam. 1845, стр. 334.

[44] См. А. Н. Болдырев, Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв., «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. IV, Л., 1947, стр. 356.

[45] См. И. В. Захарова, Материальная культура уйгуров Советского Союза, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М., 1959, стр. 269, 273.

[46] Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869—1871, стр. 277.

[47] Г. П. Васильева, Указ. раб. В настоящее время Г. П. Васильева считлт что предположение ошибочным.

у всех групп туркмен, у которых есть накидка пюренджек (бюренджек), она шьется, как правило, из зеленого или красного шелка (у некоторых групп туркмен — из сукна), богато украшается специфической вышивкой, серебряными бляшками, к подолу пришивается бахрома[48]. Плечевые халаты из одноцветного шелка у туркмен не зафиксированы ни в настоящее время, ни в прошлом. С другой стороны, А. С. Морозовой установлена связь современных пюренджеков с одеждой, имеющей очень давнюю традицию[49], но исследованием одежды, послужившей" непосредственным прототипом для пюренджеков, она не занималась. Нам представляется, что таким прототипом мог быть широко известный на средневековом Востоке нарядный халат наподобие плаща, сшитый из ярких шелковых материй и называвшийся в арабской транскрипции фараджийя. Среднеазиатская паранджа, донесшая до нас и название этой одежды, развилась, по-видимому, из этих парадных халатов. Зафиксированный местами обычай шить паранджу из ярких одноцветных, бархатов или шелковых тканей[50] позволяет думать, что не всегда одежда под этим наименованием представляла собой серый, бесформенный' костюм.

Пример с паранджой, которая упоминается в источниках с IX в.[51], также показывает, что головные халатообразные накидки связаны с видами одежды, имеющими продолжительную историю. Эти накидки, как специфический вид женской повседневной уличной одежды, появились у всех перечисленных выше народов Средней Азии безусловно неодновременно. Наиболее раннюю дату их появления, очевидно, надо отнести к XVI—XVII вв. Ближайший по времени к современному этнографическому материалу источник по истории среднеазиатской одежды — данные среднеазиатско-персидских миниатюр XVI в.[52] — не дают халатоо'бразной одежды, носимой на голове. Здесь встречается много вариантов верхней плечевой одежды с откидными рукавами[53], которая ближе всего напоминает накидки. Аналогии ей находим в современном этнографическом материале: в халатах туркменского племени нохурли[54], в некоторых видах женской и девичьей одежды иомутов[55], рукава которой имели прорези на уровне локтя, как и на мужских халатах хорезмских узбеков[56], а также в свадебных халатах у некоторых групп-казахов на Мангышлаке[57].

Первое письменное сообщение об обычае при выходе из дома накидывать на голову халат относится к XVIII в. и принадлежит И. Гладышеву и Д. В. Муравину, которые сообщают, что узбечки дельты Аму-Дарьи, выходя из дома, на голову накидывали чапан[58]. В источниках второй половины XVIII в. упоминаются халаты у женщин района Бу-

---

[48] Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 163; см. также А. С. Морозова, Ука»: раб., стр. 98—113; Полевые материалы автора, 1960 г.

[49] См. А. С. Морозова, Указ. раб., стр. 102—103.

[50] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1957—1958 гг.; С. П. Русяйкина, Указ. раб., стр. 192 и др.

[51] См. R. P. Doby, Указ-, раб., стр. 327—334.

[52] См. Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр, «Труды Среднеазиатского гос. университета им В. И. Ленина», Ташкент, 1956.

[53] См. там же, стр. 92, 97, 105, 108 и др.

[54] См. Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 162.

[55] См. Полевые материалы Г. П. Васильевой.

[56] Устное сообщение Г. П. Снесарева.

[57] И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Указ. раб., стр. 93.

[58] [И.] Гладышев и **[Д. В.] Мура-аи н,** Поездка из Орска в Хиву и обратно' в 1740—41 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным, СПб.,. '851, стр. 68—72.

хары, носимые на голове с сетками из конского волоса[59],—это свидетельство уже о появлении паранджи и чачвана (чашмбанда).

Чем вызвано появление такой, казалось бы, странной одежды, как головная халатообразная накидка? Нам 'представляется это так. Обычай кратковременного набрасывания на голову халата, ношение его в связи с каким-нибудь ритуалом мог существовать гораздо раньше, чем предполагаемое время появления специальной халатообразной накидки для повседневного употребления. Известно, что свадебный обряд среднеазиатских народов, а затем церемонии в период до появления первого ребенка обязательно сопровождаются таким моментом. Причем набрасывание на голову женщины халата или другого рода накидки (чаще всего имеющей форму платка, шали)[60] в определенные моменты сопровождалось закрыванием лица. Особенно выразительно это выглядит у народов, у которых не было обычая закрывать лицо в повседневной жизни и не было специальных головных халатообразных накидок для ежедневного употребления. Во время свадебного цикла закрывать невесту полагалось обычно после обряда мусульманского бракосочетания — никаха и особенно при переезде ее в дом мужа (т. е. в момент, очень ответственный в жизни вновь создаваемой семьи) для ограждения от действия вредоносных сил. Так, у киргизов при переезде в дом мужа на молодую надевали специальный головной убор шбкуло́ и одновременно закрывали лицо покрывалом, бу́ркбнчбк[61]. У памирских киргизов покрывало называлось «чумкот», а женский головной убор — калак[62]. У южной группы киргизов есть даже лицевая занавеска, заимствованная, очевидно, у таджиков, и обряд «смотрения лица», когда свекровь по приезде молодой в дом мужа приподнимает занавеску и показывает ее лицо присутствующим[63]. У казахов соответственно надевали саукеле, а лицо закрывали специальным покрывалом желек[64], название которого совпадает с названи-

Рис. 4. Костюм невесты. Самарканд

5s ф Ефремов Российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком девятилетнее странствование и приключения в Бухарин, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им в Санктпетербурге 1784 г., «Русская старина», т. 39, 1893, стр. 135—136.

[60] Такие накидки имеют распространение и как повседневная одежда, особенно у полукочевых в прошлом узбеков.—См. Полевые материалы Б. Х. Кармышевои, 19t>/—1958 гг.

[61] Сообщение С. М. Абрамзона об этом приведено в работе: Н А. Кисляко в' Свадебные лицевые занавески таджичек, «Сборник МАЭ», XV, М.—Л., 1953, стр. ЗШ.

[62] С. М. Абрамзон, Свадебные обычаи киргизов Памира, «Сб. памяти М. С. Андреева», 1960, стр. 36.

[63] К. И. Антипина, Указ. раб., стр. 256.

"И 'В 'Захарова, Р. Д. Ходжаева, Указ. раб., стр. 112, 114 и др.

ем халата у ряда тюркских народов Средней Азии. У них был еще свадебный халат, который на юге и востоке Казахстана набрасывали невесте на голову, в других местностях — на плечи[65] и который входил в комплекс одежды молодухи. Обычай закрызания лица во время свадьбы известен у джемшидов и хезаре[66]. Закрывание лица и фигуры накидками или платками во время свадебного обряда отмечается и среди земледельческих народов Средней Азии (рис. 4). У торных таджиков для закрывания лица существовали специальные свадебные лицевые занавески[67]. Особое значение имеет то обстоятельство, что накидки (в виде платка) и обычай закрываться ими в дни свадьбы есть не только у среднеазиатских народов, а и у народов Поволжья, в частности у башкир, чувашей, марийцев[68].

Накидку в сочетании со специальным головным убором молодухи, который надевался впервые в день свадьбы, носили, как уже говорилось, и после свадьбы. У казахов, например, в прошлом это продолжалось до появления первого ребенка, после чего женщина переходила в следующую возрастную группу и надевала головной убор замужней женщины (на смену саукеле и желеку приходили кимешек и тюрбан)[69]. Характерно, что молодая женщина в первый год замужества носила эти накидки и дома и закрывала ими лицо в присутствии старших членов семьи мужа. Очень подробное описание этого обычая есть в упоминавшейся работе М. А. Бикжановой. Она пишет, что после свадьбы молодуха должна была и дома, выполняя все домашние работы, ходить с наброшенным на голову мурсаком. Она не снимала его даже во время еды и закрывалась им от мужской родни мужа, особенно свекра, деверей, которых по обычаю избегала до появления ребенка. С течением времени срок избегания уменьшался, сократившись в 80-х годах XIX в. до нескольких недель[70]. У упоминавшейся южной группы киргизов в первые дни пребывания в доме мужа молодуха продолжает закрывать лицо лицевой занавеской в присутствии свекра, старших братьев мужа и всех посторонних мужчин, которые старше ее по возрасту. В дальнейшем занавеску надевали при появлении в общественных местах, во время перекочевок, на праздниках, поминках и т. д., а также через год во время посещения дома отца. Прекращалось это после появления второго или третьего ребенка[71]. У туркмен-атинцев, живущих в районе Дарган-Ата в Хорезмском оазисе, до наших дней сохранился обычай закрывания лица халатом (специальной накидки у них нет) в течение первого месяца пребывания в доме мужа[72]. У туркмен Прикаспийского побережья, как нам сообщила Г. П. Васильева, пюренджек носили только вместе с хасавой, которая на известном этапе была головным убором молодухи.

Истоки обычая ношения женщинами поверх головного убора халатообразной накидки надо, по нашему мнению, искать в обычае закрывания лица и всей фигуры. Этот обычай был распространен у всех народов Средней Азии; он связан, как указывал Н. А. Кисляков, с широко

[65] И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Указ. раб., стр. 93.

[66] Э. Г. Гафферберг, Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ, «Сов. этнография», 1936, № 1, стр. 97 ел.

[67] См. Н. А. Кисляков, Указ. раб.

[68] С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев, Декоративно-прикладное искусство башкир, Уфа, 1964, стр. 209.

[69] И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Указ. раб., стр. 153', 155, 156 и др.

[70] М. А. Бикжанова, Мурсак — старинная верхняя одежда узбечек г. Ташкента, стр. 50—51.

[71] К- И. Антипина, Указ. раб., стр. 256.

[72] Г. П. Васильева, Итоги работ туркменского отряда за 1948 г., ТХЭ, т. I, стр. 445.

известным обычаем избегания[73] и с древними верованиями, направленными на ограждение молодой от действия вредоносных сил. Стремление оградить себя ярко выступает, например, в обычае набрасывать на голову разного .рода накидки во время перекочевок. Узбечки дештикипчакского происхождения в такие периоды надевали на голову паранджу (без чачвана), хотя до этого пользовались ею только во время свадьбы[74]. Как уже говорилось, у южной группы киргизов при перекочевках молодые женщины надевали лицевые занавески[75].

Обычай закрывания лица и фигуры молодой халатом во время свадебной обрядности и в последующий период до появления первого ребенка постепенно сменился обычаем повседневного ношения на голове специальной накидки. Так можно представить себе появление в комплексе одежды замужней женщины ряда народов Средней Азии халатообразной головной накидки. Не случайно, что с исчезновением из повседневного употребления накидок и превращением их в одежду ритуальную ношение их продолжает связываться именно с теми моментами, с которыми связано их возникновение.

Обычай закрывать голову специальными накидками или халатами в определенные моменты жизни — очень давний, распространенный в прошлом довольно широко. В этой связи хочется упомянуть один древнеперсидский, датирующийся ахеменидским временем, барельеф с изображением женщин, едущих на лошадях. На головы этих женщин накинуты длинные покрывала (напоминают халаты), целиком скрывающие фигуру[76]. Интересен узорный чепрак из Пазырыка V (V в. до н. э.) с изображением женщин у жертвенника. У одной из них с головы спускается довольно длинная, вышитая по краю накидка[77].

Ислам использовал древний обычай покрывания головы халатом или другой накидкой и закрывания лица в своих целях, связав его е определенной сурой корана, посвященной женщине[78]. Появление в Средней Азии паранджи и чашмбанда есть основания связывать с религиозным фанатизмом, явившимся реакцией на все прогрессивное, усилившейся особенно после смерти Улугбека. Кризис XVIII в., с которым Г. А. Лугаченкова[79] связывает появление паранджи, вероятно, не имеет к этому отношения. Постепенно яркие краски паранджи сменились преимущественно сероватым безрадостным цветом, а на лице взамен прозрачной светлой кисеи, традиция ношения которой на территории Средней Азии восходит к эпохе Тимура[80], появилась черная волосяная сетка. При таком освещении вопроса становится понятным широкое распространение паранджи среди городского населения, где сильнее проявилось влияние мусульманской реакции, и почти полное отсутствие паранджи у сельского населения. В кишлаках паранджу имели обычно лишь женщины из зажиточных семей[81].

Обычай же, заставляющий девушек покрывать голову накидкой-халатом, распространенный в XIX — начале XX в. среди населения Фет>-

---

[73] Н. А. Кисляков, Указ раб., стр. 312.
[74] См. Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1957—1958 гг.
[75] К. И. Антипина, Указ. раб., стр. 173, 256.
[76] E. Herzfeld, An Tor von Asien, Berlin, 1920, табл. XII.
[77] «Древнее искусство Алтая», Л., 1958, табл. 61.
[78] См. «Коран», пер. Г. Саблукова, Казань, 1907, стр. 795—797.
[79] См. Г. А. Пугаченкова, К истории «паранджи», стр. 195.
[80] Рюи Гонзалес де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., пер. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 293.
[81] В. Наливкин и М. Наливкина, Указ. раб., стр. 96; Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 21; Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1958 г.

ганы[82], в Бухаре[83], у хорезмских узбеков[84], в горном Таджикистане[85] и других местах, надо связывать, очевидно, с установлениями ислама.

Выяснение, почему образцом для головной накидки послужил халат, вытеснивший на известном историческом этапе головные накидки другого покроя, уводит нас в область археологических источников, указывающих на генетические связи современных накидок с одеждой населения Средней Азии предшествующих эпох. Внешний вид накидок-ха-

Рис. 5. Терракотовые фигурки Анахит в плечевой накидке. Афрасиаб, прорисовка (из книги В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962).

-латов народов Средней Азии весьма различен. Среди массы их разновидностей законченностью форм и оригинальностью вышивки выделяются туркменские чырпы и пюренджек, каракалпакское ак-жегде, а также паранджа. Территориально они распределяются следующим образом: накидка жегде связывается с районом Хорезмского оазиса; текинское чырпы — с Ахалом. Пюренджек в основном локализуется в Прикаспийских областях и Хорезмском оазисе, где живут туркмены-яомуты. Паранджа распространена, как правило, в старых городских центрах Среднеазиатского Междуречья. Все это области древних цивилизаций— Хорезм, Согдиана, Маргиана. Археологическими работами в этих областях обнаружены многочисленные терракотовые статуэтки, относящиеся к эпохе рабовладельческого строя. На территории Туркмении они связываются с образом богини-матери, отождествляемой Г. А. Пугаченковой с зороастрийской богиней правопорядка, благоденствия и плодородия Аши-Рти[86] (Asi-UrtT-Rti); на территории Согдианы — с образом среднеазиатской богини плодородия, вод и расти-

---

[82] См. В. Наливкин и М. Наливкина, Указ. раб., стр. 192.
[83] С. Айни, Воспоминания, М.— Л., 1960, стр. 345.
[84] К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 378.
[85] С. П. Русяйкиа, Указ. раб., стр. 192.
[86] Г. А. Пугачеикова, Маргианская богиня, «Сов. археология», XXIX—XXX, М., 3959, стр. 138.

тельности авестийской Анахиты[87] (рис. 5); на территории Хорезма— с богиней вакхического культа, известной по Бируни под именем Мины[88]. Характерной особенностью костюма этих женских фигурок являются богато украшенные, наброшенные на плечи халаты или плащи. Манера носить в накидку такого типа одежду подтверждается как более ранним, так и более поздним материалом: мужские статуэтки из золота и серебра ахеменидского времени[89], росписи Кириша[90] и Хочо[91] (Восточный Туркестан) середины VIII в. н. э., среднеазиатско-персидские миниатюры XV—XVI вв.[92], на которых видны свободно, висящие рукава.

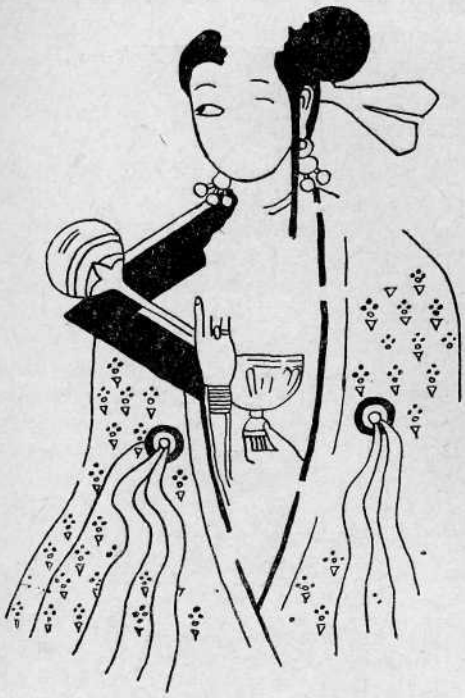

Рис. 6. Женщина в накидке. Живопись Балалык-Тепе. Прорисовка Ю. Стеблюка

Поскольку эти накидки являются неотъемлемой частью костюма терракотовых статуэток, изображающих женское божество, есть основания считать их одеждой ритуальной. Традиция ношения женщинами богатых халатов-накидок как плечевой одежды подтверждается последующими памятниками, имеющими также отношение к определенному культу и хронологически сменившими терракоты. Это монументальная живопись Балалык-Тепе[93] (рис. 6), датирующаяся VI в. н. э., и Пенджикента[94] (VII—VIII вв. н. э.), и датируемое этим же периодом серебряное блюдо с изображением сцены «венчания царя И свадебного пира»[95]. Завершается эта линия упомянутыми уже среднеазиатско-персидскими миниатюрами, в которых связь с культом установить не удается. Последующий этнографический материал дает уже накидки в форме головной одежды.

Изображение на серебряном блюде сцены «венчания царя и свадебного пира» (рис. 7) позволяет говорить о плечевых накидках как об одежде, совмещающей функции ритуального костюма, связанного с культом плодородия, и одежды невесты. Это положение становится

---

[87] См. В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 23.

[88] С. П. Толстов, Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., ТХЭ, т. II, М., 19E8, стр. 188.

[89] См. «A Survey of Persian Art», Ed. by A. Pope. London — New York, t. IV, стр. 108.

[90] A. von Le Coq, Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens, Berlin, 1925, стр. 45.

[91] A. von Le Coq, Chotscho, Berlin, 1913, табл. 72.

[92] См. Г. А. Пугаченкова, К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр.

[93] Л. А. Альбаум, Балалык-Тепе, Ташкент, 1960, рис. 100, 102, 104, 116, 118, 120 и др.

[94] «Скульптура и живопись древнего Пянджикента», М., 1959, табл. IX.

[96] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.— Л., 1940, табл. 18—21. К- В. Тревер датирует это блюдо I в. н. э. (стр. 87), Л. И. Альбаум («Балалык-Тепе», стр. 177—178)—VI в. н. э. Мы присоединяемся к последней датировке.

понятным, если принять во внимание древнеиндийские религиозные представления (имеющие много общего с древними религиозными верованиями Средней Азии), согласно которым невеста являлась воплощением на земле богини плодородия, ее земным двойником[96].

Эта линия ритуальной функции накидки не изжита до сих пор. Чырпы, пюренджек, жегде или их эквиваленты и в настоящее время обязательно входят в состав костюма невесты и играют роль в свадебном ритуале. А внешний вид этих накидок, например чырпы, сплошь по-

Рис. 7. Центральные фигуры сцены «венчания царя и свадебного пира» на серебряном блюде. Прорисовка Ю. Стеблюка

крываемой вышивкой, мотивы которой — цветок и солярные знаки — напоминает о принадлежности их к культу плодородия (рис. 8). На-эту связь указывает и то обстоятельство, что старинный головной убор текинок — борик, на который накидывалось чырпы, чрезвычайно похож на головной убор парфянских статуэток из Нисы III—I вв. до н. э.[97], отождествляемых с образом среднеазиатской богини-матери. О связи с культом плодородия, как это видно из исследования А. С. Морозовой, говорит внешний вид и другой накидки туркмен — пюренджека, Пюренджек, как ею установлено, является частью старинного головного убора женщин туркмен-иомутов, состоящего «из собственно головного убора — хасабы (напоминающей по форме головной убор жриц богини плодородия эллинистического мира Деметры), накидки — буронджек и занавески для прикрытия рта — пеш-курде. Все это покрыто разноцветной вышивкой, состоящей из веток стилизованного дереза и цветов, как бы символизирующих гирлянды живых цветов[98]. Очевидную связь с древними формами одежды можно проследить и на каракалпакском ак-жегде, также покрывавшемся вышивкой, иногда даже напоминающей стилизованные побеги. Значение их в настоящее время забыто, и информаторы не могут объяснить смысла узора вышивки.

Сказанное выше свидетельствует о генетических связях современных накидок с формами одежды древнего населения Средней Азии и

---

[93] См. К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 76.

[97] Г. А. Пугачеикова, П. Я. Елькович, Очерки по истории искусства Туркменистана, Ашхабад, 1956, стр. 30.

[98] См. А. С. Морозова, Указ. раб., стр. 98—113.

об их ритуальном значении. Причем каждый из приведенных видов накидок связывается с определенной исторической областью и таким образом с определенным народом древности.

Мысль об исторических связях современных головных накидок-халатов с плечевыми накидками среднеазиатских Анахит не нова. В печати ее высказала Г. А. Пугаченкова в отношении среднеазиатской паранджи", отвергнув одновременно мнение О. А. Сухаревой о позднем происхождении этого вида одежды. На наш взгляд, мнения Г. А. Пугаченковой и О. А. Сухаревой о происхождении паранджи нельзя противопоставлять. 'Г. А. Пугаченкова указала на исторические корни данного вида одежды, и ее прогнозы вероятно, верны. О. А. Сухарева рассматривает лишь определенный момент в истории паранджи — момент возникновения головной халатообразной одежды, одновременно указывая на генетические связи паранджи с древними местными формами одежды. Поэтому упрек Г. А. Пугаченковой в адрес О. А. Сухаревой нам кажется лишенным оснований.

Рис. 8. Чырпы туркмен-текипцев

Прослеживая дальнейшее развитие накидок, находим в них отражение исторических судеб населения тех областей, с которыми связывается их происхождение. Для примера остановимся на хорезмском жегде. Каракалпаки и частично полукочевые узбеки, заселившие северные районы Хорезмского оазиса, дали название и новое осмысление этим накидкам, традиция которых уходит в далекое прошлое и связана с древним населением оазиса и его религиозными верованиями. Постепенно значение этих накидок как ритуальной одежды, связанной с культом плодородия, было почти утрачено (сохранились лишь неосознаваемые реликты в виде вышивки), и «а первом месте осталось значение, связанное с первобытнообщинными институтами. В этом качестве мы встречаем эти накидки в наши дни уже в форме головной одежды. Такова же судьба и других накидок — чыгрпы, пюренджека и паранджи, прежде связанных с древними культами. Об этом говорят их современные функции. Таким нам представляется путь развития ритуальной одежды Анахит до современной головной накидки в районах древних цивилизаций на территории Средней Азии, являющейся примером исторической преемственности культуры народов.

В эпоху мусульманской реакции один из видов таких накидок — паранджа — приобретает новые черты, связанные с догмами ислама,

---

[99] Г. А. Пугаченкова, К истории «паранджи», стр. 192.

однако не утрачивает и прежних функций, а именно, связи с брачным ритуалом. Прежние ее функции особенно отчетливо выступают в сельских местностях, где паранджа, как уже говорилось,— редкое явление и где ее носят без чачвана, а в случае свадьбы заимствуют у владельцев, так как невеста должна быть покрыта паранджой при переезде в дом мужа и в другие моменты свадьбы [100].

Накидки в виде халата дештикипчакских по происхождению узбеков и некоторых других групп среднеазиатского населения не имеют такой сложной истории и появились здесь, очевидно, сравнительно поздно. Об этом свидетельствует отсутствие у них, за редким исключением, развитых форм этой одежды, наличие переходных форм от плечевых к головным накидкам, разница в названиях накидок у различных групп этих узбеков (джеляк, жегде, мунисак, курте и т. д.), неустойчивость наименований накидок у единых по происхождению, но живущих в различных районах групп (например, у хорезмских кунгратов — жегде, а у кашкадарьинских — джеляк). Тем не менее накидки у них более, чем у других групп среднеазиатского населения, используются и в настоящее время. Это указывает, как нам кажется, на живучесть в их среде пережитков тех древних представлений, которые вызвали к жизни этот вид одежды, в прошлом имевшей другие формы. Об этом свидетельствуют большие, распущенные на спине платки, служащие смысловым эквивалентом накидок-халатов, широко распространенные, в частности, у данной группы узбеков [101].

В заключение хотелось бы обратить внимание на тот факт, что очень часто за внешней безобидностью и незначительностью обычая, соблюдаемого еще в настоящее время, скрывается глубокий смысл, как например, за обычаем покрывать голову невесты специальной накидкой во время свадебной церемонии. Этот смысл, обусловленный религиозными и правовыми нормами, совершенно несовместим с современным безрелигиозным свадебным обрядом.

SUMMARY

The article deals with the origin of the robe — type mantle forming part of the head — dress of Uzbek, Karakalpak, Turkmen and Tajik women, widespread as an everyday street garment. The author comes to the conclusion that these cloaks take their origin from the shoulder cloak — type garment; the mantles became an independent kind of clothes not earlier than the 16—17 centuries. The author associates the appearance of the robe — type mantle with the ancient custom of covering up the woman's face and figure during crucial periods in her life (for instance, during the wedding). The prototype of the head mantle — robe were probably the type of robes connected with the wedding ritual. The mantles of the terracotta statuettes of the goddess of vegetation and waters Anahita and her equivalents also resemble ritual garments. Genetic relationship between these goddesses' clothes and some types of modern mantles is seen from archaeological and ethnographic material. Thus one can see their relationship with such types of mantles as the Karakalpak zhegde, Turkmen chyrpy and pyurendzhek and Uzbek-Tajik perandzha.

[100] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1953—1954 гг.
[101] Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, 1958 г.